

**Федеральное казенное образовательное учреждение
высшего образования «Кузбасский институт
Федеральной службы исполнения наказаний»**

А. П. Веселова

**ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ИСПОЛНЕНИЯ
НАКАЗАНИЙ В ОТНОШЕНИИ ОСУЖДЕННЫХ ЖЕНЩИН
В ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ РОССИИ**

аналитический обзор

*рекомендовано Центром обеспечения учебно-воспитательной работы
ФСИН России*

Новокузнецк, 2019

УДК 343.8 (094)
ББК 67.409
В 38

Рецензенты:

профессор кафедры теории и истории государства и права
Санкт-Петербургского университета ГПС МЧС России,
доктор юридических наук, доцент **А. Г. Антонов**;
старший преподаватель кафедры государственно-правовых
дисциплин ФКОУ ВО Кузбасский институт ФСИН России,
кандидат исторических наук **О. А. Голикова**

Веселова А. П.

В 38 Правовое регулирование исполнения наказаний в отношении осужденных женщин в дореволюционной России : аналитический обзор / канд. ист. наук А. П. Веселова. — Новокузнецк: ФКОУ ВО Кузбасский институт ФСИН России, 2019. — 32 с.
ISBN 978-5-91246-122-4

В исследовательской работе представлен обзор источников отечественного права дореволюционного периода, регулировавших исполнение наказаний в отношении осужденных женщин, анализируются и обобщаются положения этих источников и их особенности.

УДК 343.8 (094)
ББК 67.409

Выполнено по заявке ФКУ ЦОУВР ФСИН России от 10.07.2018

Одобрено ФКУ ЦОУВР ФСИН России (акт приемки НИР от 25.12.2019)

*Аналитический обзор рассмотрен и одобрен на заседании
Совета по научной и редакционно-издательской деятельности
ФКОУ ВО Кузбасский институт ФСИН России
от 29 июля 2019 г., протокол № 7*

ISBN 978-5-91246-122-4

© ФКОУ ВО Кузбасский институт
ФСИН России, 2019

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	4
1. Обзор источников правового регулирования исполнения наказаний в отношении осужденных женщин в дореволюционной России	5
2. Анализ положений источников, регулирующих исполнение наказаний в отношении осужденных женщин в дореволюционной России	9
3. Выявление гендерных особенностей уголовно-исполнительного законодательства дореволюционной России	22
Заключение	26
Список использованных источников и литературы.....	28

ВВЕДЕНИЕ

В 2017 г. в России была утверждена Национальная стратегия действий в интересах женщин на 2017–2022 гг. Ее основная цель состоит в обеспечении реализации принципа равных прав и свобод мужчины и женщины. Применительно к уголовно-исполнительной сфере равноправие достигается скорее не «выравниваем» норм в отношении мужского и женского полов, но, напротив, их асимметрией. От того, насколько законодатель обеспечит ее правильное, избыточное, гармоничное формирование, зависит эффективность уголовно-исполнительных норм. Учет исторического опыта, позволяющий понять гендерные особенности современного уголовно-исполнительного права, является необходимым условием результативного выполнения данной задачи.

История уголовно-исполнительной системы традиционно отражает процесс развития соответствующих государственных органов и властных структур. Однако в последние годы под общим влиянием «новой истории» и ее самостоятельных направлений, таких как история повседневности, история семьи, детства и материнства, интерес исследователей-пенитенциаристов начал смещаться с политических тем к отдельному человеку (или категориям людей). Гендерный аспект в истории УИС позволяет, с одной стороны, дополнить картину мира женщин ушедших эпох новыми фрагментами и нюансами, а с другой — обогатить историю уголовно-исполнительной системы яркими ранее неизвестными темами.

Изучение развития уголовно-исполнительного законодательства в отношении осужденных женщин в дореволюционный период наглядно демонстрирует эволюцию уголовно-исполнительной политики Российского государства, становление теоретических концепций в уголовно-исполнительном праве, а также их реализацию на практике.

Настоящий обзор построен на анализе законодательных актов Российского государства дореволюционного периода XI–XX вв. В работе задействован широкий перечень нормативных документов светского и церковного происхождения (своды законов, церковные уставы, уложения, челобитья, указы, грамоты и др.), среди которых присутствуют как общеизвестные, так и практически не задействованные в научном обороте.

Структурно работа состоит из трех разделов, включающих классификацию и обзор источников правового регулирования исполнения наказаний в отношении осужденных женщин в дореволюционной России, анализ их основных положений, резюмирование гендерных особенностей уголовно-исполнительного законодательства в дореволюционный период.

1. ОБЗОР ИСТОЧНИКОВ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ИСПОЛНЕНИЯ НАКАЗАНИЙ В ОТНОШЕНИИ ОСУЖДЕННЫХ ЖЕНЩИН В ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ РОССИИ

В течение многовековой истории Российского государства существовали различные источники правового регулирования исполнения наказаний в отношении осужденных женщин. Их можно разделить на несколько групп.

Первую группу составляют своды законов — основные отечественные источники права, содержащие в том числе нормы, направленные на регламентацию уголовно-правовой сферы. К данной группе источников относится Русская Правда, Судебники 1497, 1550, 1589¹ гг., Соборное Уложение.

Несмотря на то, что ряд статей Русской Правды и судебныхников можно отнести к анализируемой теме лишь с определенной степенью условности, рассмотрение их положений необходимо для адекватного восприятия уголовной и уголовно-исполнительной политики законодателя, понимания эволюции правовой мысли, обретшей нормативное воплощение в статьях Соборного Уложения.

Соборное Уложение 1649 г. является крупнейшим правовым источником и памятником юридической мысли периода Московского государства, который выступает своего рода итогом развития права эпохи раннефеодальной и сословно-представительной монархий. Уложение концентрирует основные правовые тенденции XV–XVII вв. и отражает переход к следующей ступени развития права — права абсолютизма.

В отдельную группу источников целесообразно выделить Устав Ярослава Мудрого «О церковных судах»², без которого невозможно охарактеризовать положение женщины как участника уголовно-правовых отношений феодального периода. Русская Правда, несмотря на то, что на ее основе сформированы представления об уголовном и уголовно-процессуальном праве Киевской Руси, не затрагивает некоторые категории преступлений, без которых сложно представить человеческий социум. В том числе речь идет о преступлениях против семьи и нравственности, участником которых неизменно выступает женщина.

Следует оговорить, что существуют различные исследовательские позиции относительно времени возникновения Устава Ярослава Мудрого и в

¹ Существуют различные точки зрения по поводу того, был ли Судебник Федора Ивановича действующим. С. К. Богоявленский считал, что этот документ так и не был введен в действие, в противном случае составители Соборного Уложения 1649 г. в качестве источника использовали бы его, а не «старый царский Судебник» (Судебник царя Федора Ивановича 1589 года. По списку собрания Ф. Ф. Мазурина. М.: 1900. С. XXII). Л. П. Черепнин пришел к выводу, что Судебник 1589 г. является источником права, регламентирующим жизнь населения чернососного севера (Судебник 1589 года // Памятники русского права. Вып. 4. Памятники права периода укрепления Русского централизованного государства. XV–XVII вв. С. 409).

² Устав князя Ярослава о церковных судах (пространная редакция) // Наследие. Вып. 1: Религия — общество — государство: институты, процессы, мысль. Книга 1: История государственно-конфессиональных отношений в России (X — начало XXI века) : хрестоматия в двух частях / сост. Ю. П. Зуев; под общ. ред. Ю. П. Зуева, В. В. Шмидта. Часть I: X — начало XX века. М.: Изд-во РАГС; ИД «МедиаПром», 2010. С. 23–31.

целом его исторической достоверности. Работы Я. Н. Шапова доказывают, что основная часть статей Устава относится к XI–XII вв.¹ Я. Н. Шапов вслед за Ф. Морошкиным считает Церковный устав необходимым дополнением к Русской Правде, вместе с которой он создает картину древнерусского права². Эта позиция представляется очень убедительной. Устав Ярослава включил те правовые отношения, которые после определения княжеской юрисдикции традиционно продолжали регулироваться общиной, либо не были урегулированы вовсе в силу языческих установок, а затем были восприняты церковью для правового воздействия.

Специфическим источником, определяющим особенности исполнения наказаний в отношении осужденных женщин, является судебная практика. Ее вполне можно назвать церковно-пенитенциарной практикой, поскольку она одновременно затрагивает сферу светской юрисдикции и полномочия православной церкви, вносящие существенные коррективы в судебные решения. Речь идет о сформировавшемся опыте замены квалифицированной смертной казни для мужеубийц заточением в монастырь, осуществляемом на основании челобитных духовных лиц³.

В пятую группу источников вошли отраслевые нормативные акты уголовной, уголовно-процессуальной и уголовно-исполнительной направленности.

Отраслевые акты XVIII в. петровской эпохи (Артикул Воинский⁴, Краткое изображение процессов или судебных тяжб⁵) демонстрируют важнейшие тенденции в развитии уголовно-правовой политики Российского государства — восприятие женщин в качестве самостоятельных субъектов уголовно-правовых отношений, а также переход женских преступлений из сферы церковной юрисдикции в сферу юрисдикции государства.

В течение XIX в. происходит последовательное обособление уголовно-исполнительного права в отдельную отрасль, что существенным образом повлияло на разнообразие и содержание источников, направленных на регулирование соответствующей сферы общественных отношений.

¹ Шапов, Я. Н. Княжеские уставы и церковь в Древней Руси. М.: Наука, 1972. С. 293.

² Там же. С. 180.

³ См. Грамота Новгородского митрополита Корнилия Тихвинского монастыря архимандриту Макарию об отдаче под начало и пострижение двух женщин, подвергнутых за уголовное преступление трехсуточному окопанию в землю // Акты исторические, собранные и изданные Археографической комиссией. Т. V. 1676–1700. СПб.: Типография II Отделения собственной его императорского величества канцелярии, 1842. С. 127–128; Память Владимирского воеводы Федора Юрлова Успенского монастыря игуменье Маремьяне о пострижении крестьянки Фетиньи, которая за убийство мужа своего пробыла сутки окопанною в земле // Акты исторические, собранные и изданные Археографической комиссией. Т. V. 1676–1700. СПб.: Типография II Отделения собственной его императорского величества канцелярии, 1842. С. 25.

⁴ Устав Воинский, Артикул Воинский с кратким толкованием // Памятники русского права. Вып. 8. Законодательные акты Петра I / под ред. К. А. Софроненко. М.: Государственное издательство юридической литературы, 1961. С. 319–457.

⁵ Краткое изображение процессов или судебных тяжб // Хрестоматия по истории государства и права России. М., 2008. С. 144–158.

Важнейшими в рассматриваемом отношении нормативными актами XIX века стали Устав о ссыльных и Устав об этапах 1822 г. и их редакции, Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г., Устав уголовного судопроизводства 1864 г., Устав о содержащихся под стражей 1857 г. и его редакции¹.

Еще одну группу источников составили отдельные акты, издаваемые высшими государственными органами — Сенатом и Государственным Советом². Несмотря на кажущийся второстепенный характер, они имеют важнейшее значение. Необходимость разрешения жизненных казусов способствовала выработке положений, которые приобретали нормативный характер и в последующем были закреплены в отраслевых кодификациях. Став результатом рассмотрения конкретных дел, связанных, так или иначе, с порядком исполнения наказаний в отношении осужденных женщин, акты Сената и Государственного Совета отражают «живое» формирование гендерно-ориентированных норм в отечественном уголовно-исполнительном праве, демонстрируют мотивацию и позицию законодателя, впервые вводящего данные положения.

В отдельную группу можно выделить подведомственные нормативные акты. Речь идет о циркулярах Главного тюремного управления, выступающих ценным источником по истории пенитенциарной системы Российского государства конца XIX — начала XX вв. Циркуляры были направлены на решение, либо детализацию самых разных актуальных вопросов тюремной

¹ Устав об этапах в Сибирских губерниях // Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое. Т. XXXVIII. 1822–1823. СПб.: Типография II Отделения собственной его императорского величества канцелярии, 1830. С. 469–487; Устав о ссыльных // Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое. Т. XXXVIII. 1822–1823. СПб.: Типография II Отделения собственной его императорского величества канцелярии, 1830. С. 433–469; Устав о ссыльных (издание 1909 г.) // Законодательство Российской империи. Т.1 4.4. URL: <http://www.rus-sky.com/history/library/vol.14/vol.14.4.htm>; Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 года // Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. Т. XX. 1845. СПб.: Типография II Отделения собственной его императорского величества канцелярии, 1846. С. 598–1010; Свод учреждений и уставов о содержащихся под стражей (издание 1890 г.) // Законодательство Российской империи. Т. 14.4. URL: <http://www.rus-sky.com/history/library/vol.14/vol.14.4.htm>; Устав уголовного судопроизводства 1864 года // Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. Т. XXXIX. 1864. СПб., 1830. С. 215–306 и др.

² См. Высочайше утвержденное мнение Государственного совета — о времени исполнения приговоров Судебных мест относительно наказания женщин, питающих грудью младенцев // Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое. Т. XXXIX. 1824. № 29.773. СПб.: Типография II Отделения собственной его императорского величества канцелярии, 1830. С. 68; Высочайше утвержденное мнение Государственного совета. О преступницах, ссылаемых в Сибирь, кои окажутся беременными или имеющими грудных младенцев. Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. Т. XII. 1837. № 10831. СПб., 1838. С. 1038–1039; Высочайше утвержденное мнение Государственного совета. О ссылке, по воле помещиков, в Сибирь женщин беременных или с грудными младенцами // Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. Т. XXVIII. 1853. № 27602. СПб.: Типография II Отделения собственной его императорского величества канцелярии, 1854. С. 477–478; Сенатский указ о наказании беременных женщин не прежде как по разрешении от бремени и миновании срока положенного на воспитание грудью младенца // Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. Т. V. 1830. № 3535. СПб.: Типография II Отделения собственной его императорского величества канцелярии, 1831. С. 215–216.

сферы (кадровый состав тюремных служащих, организацию хозработ, проблемы побегов, быт арестантов и условия содержания, устройство пересылки и др.)¹, в том числе в отношении осужденных женщин.

Таким образом, источники правового регулирования исполнения наказаний в отношении осужденных женщин в дореволюционной России отличаются не только количественным составом, но и вариативностью. В различные исторические периоды отечественной истории их отдельные виды имели преобладающее значение.

¹ См. об этом: Осипов, М. В. Циркуляры Главного тюремного управления МВД как источник по истории пенитенциарной системы России в период пореформенной модернизации (1879–1885) // Известия Самарского научного центра РАН. 2009. № 2-1. С. 239–242.

2. АНАЛИЗ ПОЛОЖЕНИЙ ИСТОЧНИКОВ, РЕГУЛИРУЮЩИХ ИСПОЛНЕНИЕ НАКАЗАНИЙ В ОТНОШЕНИИ ОСУЖДЕННЫХ ЖЕНЩИН В ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ РОССИИ

В различные исторические периоды законодательство Российского государства содержало разнообразные в количественном и содержательном отношении нормы, определяющие особенности исполнения наказаний в отношении осужденных женщин.

Древнее, раннефеодальное право, несмотря на казуальность источников и их сосредоточенность на нормах уголовного и процессуального права, включает небольшое количество положений, касающихся рассматриваемой проблематики.

В основном нормативном акте этого периода — Русской Правде в различных ее редакциях — можно выделить лишь несколько статей, регулирующих положение женщин как участниц уголовно-исполнительных правоотношений. Речь идет о ст. 7 и ст. 121 Пространной редакции Русской Правды¹.

Ст. 7 подразумевает, что за совершение преднамеренного убийства преступника вместе с женой и детьми переводят в холопы («поточат»), а их семейное имущество конфискуют. Невинная женщина в данном случае разделяет с мужем наиболее тяжкое уголовное наказание.

По сути, данная статья Русской Правды выражает тезис, применимый не только к периоду раннефеодальной монархии, но и к большей части истории дореволюционной России: положение женщины определяется правовым статусом ее мужа. Это можно объяснить несколькими причинами: принципом коллективной ответственности, характерным для феодального права; подчиненной, второстепенной ролью жены в патриархальной семье; нежеланием законодателя, учитывающего христианские ценности, разлучать семью.

В свою очередь статья 121 Русской Правды подчеркивает, что жена и дети холопа, совершившего кражу, не выдаются «головой», не подвергаются наказанию.

Таким образом, если к супругу применяется наказание в виде потока и разграбления, его жена и дети разделяют участь мужа и отца. Однако если речь идет о воровстве, содеянном холопом, и члены его семьи не являются ни участниками, ни пособниками, наказание на них не распространяется. Логика законодателя вполне понятна, так как в ст. 121 говорится о зависимых лицах — холопах. По общему мнению исследователей, холоп по Русской Правде не является самостоятельным субъектом правоотношений, в том числе не выступает он и субъектом преступления. За преступление холопа отвечает его хозяин, выплачивая штраф потерпевшему (урок) либо лишаясь части своего имущества в виде выдачи холопа «головой». Соответственно, положение жены и детей холопа как собственности хозяина является определяющим по сравнению с их семейным статусом.

¹ Ст. 7 Пространной редакции Русской Правды (по Троицкому списку) // Хрестоматия по истории государства и права России: учеб. пособие / сост. Ю. П. Титов. М.: Проспект, 2008. С. 10; Ст. 121 Пространной редакции Русской Правды (по Троицкому списку) // Там же. С. 25.

Кроме того, в ст. 7 речь идет о самом тяжком наказании, упоминаемом в Русской Правде, — о потоке и разграблении, которое наряду с обращением в холопы содержит важную «имущественную» часть — полную конфискацию имущества, необходимую для компенсации наиболее опасных с точки зрения законодателя преступлений. Изменение юридического статуса жены и детей могло быть связано помимо рассмотренных выше причин с ухудшением их материального положения.

Другой нормативный акт периода раннефеодальной монархии — Устав Ярослава Мудрого «О церковных судах» — определяет ответственность за совершение прелюбодеяния, полигамии и нарушение степеней родства и свойства, установленных христианской церковью, при заключении брака и при половых сношениях. Формируя общую концепцию штрафных санкций, Устав предполагает некоторые особенности исполнения наказаний за подобные деяния в отношении лиц женского пола.

За участие в полигамных связях Церковный устав предусматривает для женщины более строгие наказания, даже в том случае, когда ее можно считать пострадавшей. Так, двоеженцу грозит штраф в пользу епископа, расторжение второго брака и возвращение к «старой» жене. Вторую жену следовало передать в «дом церковный» (вероятно, монастырь). Для двоемужницы, в свою очередь, оба брака (и первый, и второй) признавались незаконными, женщину отдавали в церковный дом, а штраф (продажу) платил второй муж¹. Я. Н. Шапов считает такое распределение ответственности следствием недостаточной правоспособности женщины².

Церковный устав уделяет внимание специфическим женским преступлениям, связанным с детьми и деторождением. За рождение внебрачного ребенка, а также детоубийство женщину надлежало отправить в «церковный дом»³. К примеру, одна из более поздних редакций Устава — Пространная редакция в ст. 6 определяет, что если «женка без своего мужа или при мужи дитяти добудет, да погубит, или в свиньи ввержет, или утопит, обличивши, пояти [и] в дом церковный, а чим ю паки род окупит»⁴.

Таким образом, очевидной особенностью положений Устава Ярослава в рассматриваемом контексте является применение к лицам женского пола специфического наказания в виде помещения в «дом церковный». Традиционно данное наказание понимается как заточение в монастырь. С точки зрения исследователей, подобное заключение продолжалось по выплаты родственниками преступницы штрафа в пользу епископа⁵. Иными словами, нор-

¹ Шапов, Я. Н. Указ. соч. С. 245, 295.

² Там же. С. 246.

³ Ст. 5–6 Архетипа Устава Ярослава // Шапов, Я. Н. Указ. соч. С. 294.

⁴ Устав Ярослава о церковных судах // Наследие. Вып. 1: Религия — общество — государство: институты, процессы, мысль. Книга 1: История государственно-конфессиональных отношений в России (X — начало XXI века): хрестоматия в двух частях / сост. Ю. П. Зуев; под общ. ред. Ю. П. Зуева, В. В. Шмидта. Часть I: X — начало XX века. М.: Изд-во РАГС; ИД «МедиаПром», 2010. С. 24.

⁵ См., например: Шалапин, С. О. Церковно-пенитенциарная система в России XV–XVIII веков: монография. Архангельск: ИПЦ САФУ, 2013. С. 85.

мативное регулирование применения лишения свободы (пусть и в сфере церковно-пенитенциарной практики) в российском законодательстве произошло, вероятно, в первую очередь по отношению к женщинам, совершившим преступные деяния.

Судебники и уставные книги приказов периода сословно-представительной монархии не содержат положений, регулирующих порядок исполнения наказаний в отношении лиц женского пола. Однако их роль значительна, поскольку именно данные источники отражают формирование в светском законодательстве идею восприятия женщин в качестве отдельных самостоятельных субъектов уголовно-правовых отношений.

Так, ст. 49, 52 Судебника 1497 г. и ст. 17, 19 Судебника 1550 г. разрешают женщине, выступающей в роли истца, ответчика, а также послуха (свидетеля), выставить вместо себя наймита для участия в «поле» (судебном поединке)¹. Судебник царя Федора Ивановича 1589 г. дополняет этот перечень «девкой»². Таким образом, Судебник 1589 г. подчеркивает, что правом на наймита обладает не только «женка», но и незамужняя женщина.

Уставная книга Разбойной избы 1555–1556 гг. в Приговоре по губным делам³, определяя порядок проведения следственных действий, содержит наставление губным властям проводить расследование всесторонне, разыскивая среди «всяких людей»: духовных лиц, лучших людей, молодых, а также женщин. Вероятно, речь идет о том, чтобы местные органы в реализации своих полицейских функций не пренебрегали показаниями данных категорий лиц (допрашивали не только «лихих людей»), воспринимали свидетельства, в том числе женщин в качестве доказательств⁴.

Источники показывают, что при проведении розыскных действий к женщинам могли применяться пытки, которые нередко заканчивались летальным исходом: «после пытки Гришкина жена Полстовалова Акулинка... с неделю лежала и умерла...»; «...после де пытки Кондрашко и Феська померли...»; в ходе расследования по делу отравительницы Дарьи Ламаковой «... не стало... женки Настьки у князя Федора... и Уськи у Лукьяна...»⁵.

В Соборном Уложении, являющемся вершиной феодального права и одновременно итогом развития законодательства Российского государства предшествующих исторических периодов, содержится несколько статей, соответствующих рассматриваемой теме.

¹ Ст. 49, ст. 52 Судебника 1497 года // Хрестоматия по истории государства и права России. М., 2008. С. 39. Ст. 17, ст. 19 Судебника 1550 года // Хрестоматия по истории государства и права России. М., 2008. С. 35–36.

² Ст. 28 Судебника 1589 года // Памятники русского права. Вып. 4. Памятники права периода укрепления Русского централизованного государства. XV–XVII вв. / под ред. Л. В. Черепнина. М., 1956. С. 417.

³ Приговор о губных делах // Памятники русского права. Вып. 4. Памятники права периода укрепления Русского централизованного государства. XV–XVII вв. С. 363.

⁴ Приговор о губных делах. С. 367.

⁵ См. Новомбергский, Н. Колдовство в Московской Руси XVII столетия. СПб., 1906. № 1, 21, 33, 4. Цит. по: Памятники русского права. Вып. 7. Памятники права периода укрепления Русского централизованного государства. XV–XVII вв. / под ред. Л. В. Черепнина. М., 1963. С. 483.

Так, ст. 14 XXII главы Соборного Уложения, определяя наказание женщине, совершившей убийство своего мужа, в виде смертной казни, устанавливает специфический порядок ее исполнения. Следует отметить, что при широком применении смертной казни в качестве вида наказания законодатель XVII в. (как, впрочем, и предшествующих периодов) в большинстве случаев не определяет способ ее исполнения. Однако в отношении мужеубийцы квалифицированная смертная казнь описана в источнике довольно подробно. Мужеубийцу, закопав по плечи в землю, держали без еды и питья до наступления смерти: «Живу окопати в землю, и казнити ея такою казне безо всякия пощады, хотя будет убитого дети, или иныя кто ближния роду его, того не похотят, что ея казнити, и ей отнюд не дати милости, и держати ея в земле до тех мест, покамест она умрет»¹. Усугубляло мучения преступницы то обстоятельство, что местом «казни», как правило, являлось публичное место.

На практике имели место случаи замены казни в виде закапывания в землю другими видами наказаний. Известны истории и случаи помилования мужеубийц. В 1677 г. крестьянка Фетинья была окопана в землю за то, что отсекла косою голову своему мужу Логинку Гаврилову. Спустя сутки Фетинью было велено передать в Успенский женский монастырь для принятия пострига и «держатъ ея с великим бережением под крепким началом». Соборное Уложение запрещает кому-либо из родственников ходатайствовать о помиловании преступницы. Документ содержит сведения о том, что челобитную царю о замене наказания Фетиньи подали архимандрит Рождественского монастыря с братией, игумен Золотоворотского монастыря с братией, игуменья Успенского женского монастыря с сестрами, ключарь Успенского Богородицкого Собора с братией².

В 1682 г. две женщины «ямская жена Маринка» и «стрелецкая жена Дашка» отравили мышьяком своих мужей, за что были подвергнуты уголовному наказанию в виде закапывания в землю. Пробыв трое суток в таком положении, женщины обещали принять постриг. В соответствии с царским указом они были направлены в Тихвинский женский монастырь. Новгородский митрополит Корнилий велел архимандриту Макарию проследить, чтобы женщины были переданы порознь, старицам «добрым и крепкожителным». При этом держать их следовало закованными в «тех же кандалах»³.

¹ Памятники русского права. Вып. 6. Соборное Уложение царя Алексея Михайловича 1649 года / под ред. К. А. Софроненко. М.: Государственное издательство юридической литературы, 1957. С. 432.

² Память Владимирского воеводы Федора Юрлова Успенского монастыря игуменья Марьяне о пострижении крестьянки Фетиньи, которая за убийство мужа своего пребыла сутки окопанною в земле // Акты исторические, собранные и изданные Археографической комиссией. Т. V. 1676–1700. СПб.: Типография II Отделения собственной его императорского величества канцелярии, 1842. С. 25.

³ Грамота Новгородского митрополита Корнилия Тихвинского монастыря архимандриту Макарию об отдаче под начало и пострижение двух женщин, подвергнутых за уголовное преступление трехсуточному окопанию в землю // Акты исторические, собранные и изданные Археографической комиссией. Т. V. 1676–1700. СПб.: Типография II Отделения собственной его императорского величества канцелярии, 1842. С. 127–128.

Вероятно, замена смертной казни пострижением в монастырь в подобных ситуациях не была редким явлением.

В 1689 г. по делу об осуждении женки Палашки и девки Федоски за убийство мужа было вынесено решение о замене квалифицированной казни простой — отсечением головы. Указ содержал нормативное предписание о том, что «впредь иных таких жен за мужнее убийство в землю не окапывать»¹. Однако, несмотря на данный указ и приведенные выше примеры, следует отметить, что смертная казнь в виде закапывания в землю применялась по отношению к мужеубийцам вплоть до середины XVIII в.

Ст. 26 XXII главы предполагает наказание в виде смертной казни для женщины, погубившей своих детей, прижитых «в блуде»². По-видимому, данный признак («блуд») являлся ключевым в определении квалификации преступления. Для сравнения: наказанием для родителя-детоубийцы (матери или отца) в иной ситуации являлся год (!) тюремного заключения и церковное покаяние³. По-видимому, столь существенная разница объясняется тем, что «блудное» поведение являлось ключевым в квалификации преступления, своего рода серьезным отягчающим обстоятельством.

Соборное Уложение 1649 г., наряду с рассмотренными нормами, носящими очевидный дискриминационный характер, содержит статью, устанавливающую отсрочку исполнения смертного приговора беременным женщинам: «Тоя жонки, покаместа она родит, смертию не казнити, а казнити ея в те поры, как она родит»⁴. До рождения ребенка осужденную предполагалось содержать в тюрьме. Отсрочка смертной казни объясняется, видимо, не состраданием к особому положению женщины, но заботой о невиновном ребенке.

Период абсолютной монархии охватывает несколько веков — с XVIII по начало XX в. При всем их различии общей чертой данной эпохи является стремление государства к регламентации всех сфер жизни общества. Как следствие — большое количество разнообразных нормативных актов, в том числе касающихся анализируемой темы.

Основными источниками уголовного права XVIII в. являются Артикул Воинский и Краткое изображение процессов или судебных тяжб 1715 г. Данные нормативные акты содержат преимущественно нормы уголовного и уголовно-процессуального права, но их упоминание представляется важным

¹ Именной с Боярским приговором. О неокапывании в землю жен за убийство мужей их, а об отсечении им голов // Полное собрание законов Российской империи. Т. III. С 1689 по 1699. СПб.: Типография II Отделения собственной его императорского величества канцелярии, 1830. С. 15.

² Памятники русского права. Вып. 6. Соборное Уложение царя Алексея Михайловича 1649 года / под ред. К. А. Софроненко. М.: Государственное издательство юридической литературы, 1957. С. 434.

³ Памятники русского права. Вып. 6. Соборное Уложение царя Алексея Михайловича 1649 года / под ред. К. А. Софроненко. М.: Государственное издательство юридической литературы, 1957. С. 430.

⁴ Памятники русского права. Вып. 6. Соборное Уложение царя Алексея Михайловича 1649 года / под ред. К. А. Софроненко. М.: Государственное издательство юридической литературы, 1957. С. 432.

в силу отражения новых тенденций в развитии уголовной и обусловленной ею уголовно-исполнительной политики Российского государства.

Так, Артикул Воинский и Краткое изображение процессов или судебных тяжб уделяют особое внимание защите жизни не только младенца, но и нерожденного ребенка, соответственно — охране жизни и здоровья беременной женщины. Согласно арт. 163 за убийство младенца предусмотрен один из квалифицированных видов смертной казни — колесование¹.

Несколько статей Артикула Воинского посвящены регламентации преступлений, традиционно относящихся к юрисдикции церкви, — прелюбодеяния и кровосмешения. Наказанию подлежат так называемое «двойное прелюбодеяние» (связь женатого мужчины и замужней женщины), «одинокое» прелюбодеяние (связь замужней/женатого с неженатым/незамужней), а также половая связь между близкими родственниками и свойственниками². Прелюбодеяние между двумя холостыми людьми подпадает под законодательное регулирование в случае рождения внебрачного ребенка в результате такой связи. В качестве наказания для холостых мужчин предусмотрена обязанность содержания женщины и младенца, тюремное заключение и церковное покаяние, избежать которых он может, женившись на матери своего ребенка³.

Ст. 10 главе VI «О расспросе с пристрастием и о пытке» Краткого изображения процессов или судебных тяжб» наряду с дворянами, служителями высоких чинов, престарелыми людьми старше семидесяти лет и недорослями освобождает от пытки беременных женщин⁴.

В первой половине XVIII в. занятие проституцией, по сути, становится криминализированным деянием. Регламент Главного магистрата предписывает строительство во всех городах смирительных домов для тех, «кто на какое время по злым его поступкам будет достоин, и посылать их на работу, чем бы они могли пропитание свое заработать, чтоб никогда праздны не были»⁵. Женщин, ведущих непристойных образ жизни, следовало помещать в прядильные дома, где «наказывать таким же образом» (т. е. работой для обеспечения своего пропитания). Таким образом, исполнение наказаний для женщин, занимающихся проституцией, предусматривалось, по сути, в отдельных видах учреждений — прядильных домах, предназначенных исключительно для женщин. Пребывание в прядильных домах применялось в качестве исправительно-карательных мер, в том числе по отношению к женщинам-ворам, а также, как показывает практика, к женам, знавшим о преступлениях, которые совершили их мужья, но не донесшим властям об

¹ Артикул Воинский // Памятники русского права. Вып. 8. Законодательные акты Петра I / под ред. К. А. Софроненко. М., 1961. С. 436.

² Арт. 169–174 Артикула Воинского // Там же. С. 181–182.

³ Арт. 176 Артикула Воинского // Там же. С. 182.

⁴ Ст. 10 гл. VI «О расспросе с пристрастием и о пытке» Краткого изображения процессов или судебных тяжб // Хрестоматия по истории государства и права России. М., 2008. С. 156.

⁵ Гл. XX. «О цухтгаузах (смирительных домах) и гошпиталях (или больницах)» Регламента или Устава Главного магистрата // Памятники русского права. Вып. 8. Законодательные акты Петра I / под ред. К. А. Софроненко. М., 1961. С. 143–144.

этом. Так, именной указ 1718 г. предписывал трех «женок» — Домну Денисову, Соломонидку Антипьеву и Таньку Васильеву казнить смертной казнью путем отсечения головы за «ведомство» — за то, что они владели информацией о неоднократных разбоях и убийствах, совершаемых их мужьями, и не донесли об этом. В то время как Дуньку Ларионову, муж которой был виновен только в одном разбое, было приказано сослать в прядильный дом¹.

Вторая половина XVIII — первая четверть XIX вв. не отмечены созданием новых сводов законов. Однако важность данного периода обусловлена появлением знаковых идей и проектов, отражающих передовые тенденции в развитии уголовного, уголовно-процессуального, уголовно-исполнительного права и нашедших законодательное и практическое воплощение в последующие десятилетия XIX в.

Конец XVIII — начало XIX в. можно назвать временем рождения в России «тюремного вопроса», точнее — обращения на него внимания со стороны общества и государства. До XIX столетия сведения, позволяющие судить о применении наказания в виде лишения свободы в отношении женщин, об особенностях положения женщины в «тюрьме» и в целом о состоянии мест заключения, весьма немногочисленны. Сколько-нибудь серьезные и систематические описания тюремного устройства появляются в России только в период деятельности Попечительного о тюрьмах общества, организованного в 1819 г. Однако начало данному процессу было положено во второй половине XVIII в.

В период правления Екатерины II в России появляется идея отдельного содержания в местах лишения свободы лиц женского и мужского пола. Она нашла отражение в Положении о тюрьмах (или Уставе о тюрьмах), подготовленном императрицей в 1787 г. В этом проекте много внимания уделялось внешнему и внутреннему устройству тюремных помещений, вопросам санитарного и гигиенического обслуживания заключенных, правилам их содержания. В каждом из планируемых видов тюрем предполагалось отдельное содержание мужчин и женщин, в том числе с устройством отдельных женских теремных зданий².

Насколько данный проект расходится с действительным положением дел в исправительных учреждениях Российской империи, позволяют судить воспоминания очевидцев.

В. Кокс и Дж. Говард, посещавшие российские места заключения в период правления Екатерины II, описывают как совместное, так и отдельное содержание мужчин и женщин. В случае отдельного содержания женщины находились в отдельной камере либо отделялись от мужчин только на ночь³.

¹ Именной указ 7 февраля 1718 года. О наказании разбойников и смертоубийц и об учинении смертной казни беременным женщинам, после разрешения их от бремени // Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое. Т. V. 1713–1719. СПб., 1830. С. 539–540.

² См. об этом: Перебинос, Ю. А., Брызгалова, И. В. Использование зарубежной теории и практики исполнения наказания в виде лишения свободы в дореволюционной России // История отечественной уголовно-исполнительной системы : сборник статей. М., 2006. С. 137–138.

³ Гернет, М. Н. История царской тюрьмы. М., 1951. Т. 1. С. 256.

Вальтер Венинг посетил места лишения свободы в Петербурге в 1817–1818 гг. Результаты осмотра он представил в виде докладной записки Александру I. Наибольшее негативное впечатление на В. Венинга произвели съезжие дома, которые он назвал «истинным рассадником порока». С его точки зрения, эти места являются «неспособными к помещению человечества: мужчины и женщины, виновные и невинные, молодые и старые, все вместе толпились в одной комнате, если же где и имелись две комнаты, то между ними существовали сообщения: мужчины помещались во внутренней, а женщины — в передней, под караулом солдат; все комнаты были подземные, сырые, темные, без кроватей; воздух в них был дурной; люди все были праздны и жаловались на недостаток хлеба. В одной съезжей комнате было 20 мужчин и 7 женщин, но сказывали, что помещалось и 60 человек вдруг»¹. В. Венинг резюмирует: «Бедная девушка, которая попала в сие место хоть на одну ночь, должна была потерять всякое чувство добродетели и приготовиться на жизнь развратную и несчастную»².

В смиренном доме В. Венинг видел женщин в рогатках, на которых имелось по три острых спицы, длиною восемь дюймов и так вделанных, что женщины не могли лечь ни днем, ни ночью.

Применительно к кордегардии губернского правления В. Венинг пишет: «Нужные места, не чистившиеся несколько лет, так заразили воздух, что почти невозможно было сносить зловоние. В сии места солдаты водили мужчин и женщин одновременно, без всякого разбора и благопристойности»³. Здесь имелась женская комната, но В. Венингу она показалась еще худшей, чем мужская, тем более что в ней с женщинами находились днем и ночью три солдата.

В 1822 г. уже в отчете Попечительного о тюрьмах общества присутствует следующее описание орловского тюремного замка: «Женщины заключены были в тюремном замке в одной небольшой комнате, на два отделения перегороженной, в которой содержались здоровые и больные заразительными болезнями... Здесь находились и грудные младенцы»⁴.

В XIX в. эволюция отечественного права, влияние зарубежной правовой мысли, феминистических идей привели к кардинальным изменениям в уголовном и уголовно-исполнительном праве.

Национальное законодательство этого периода одновременно демонстрирует две тенденции: во-первых, уравнивание правового статуса мужчины и женщины в общественных отношениях, что свидетельствует о попытках преодоления сословности и патриархальности права; во-вторых, формирование определенных привилегий по отношению к лицам женского пола.

¹ Никитин, В. Н. Тюрьма и ссылка: историческое, законодательное, административное и бытовое положение заключенных, пересыльных, их детей и освобожденных из-под стражи со времени возникновения русской тюрьмы и до наших дней (1560–1880). СПб., 1880. С. 11–12.

² Там же. С. 12.

³ Никитин, В. Н. Указ. соч. С. 18.

⁴ Гернет, М. Н. История царской тюрьмы. М., 1951. Т. 1. С. 283.

Так, Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. окончательно уравнило уголовную ответственность мужчины и женщины по преступлениям, совершенным в браке по отношению друг к другу. В отличие от предыдущих источников, законодатель при регулировании подобных преступлений чаще всего использует термин «супруг», «супруги», не обозначая половую принадлежность.

Признавалось квалифицированным убийство одного супруга другим, без различия, кем оно совершено — мужем или женой¹. Также не зависела от пола преступника ответственность, которой подвергался один из супругов за жестокое обращение и причинение увечий и ран другому², принуждение к незаконному действию³, совершенное прелюбодеяние⁴ и т. п.

Уложение 1845 г. содержало сложную иерархию уголовных и исполнительных наказаний, образующих так называемую «лестницу наказаний». По отношению к женщинам оно определяет ряд изъятий в системе наказаний, которые можно воспринимать как установление определенных преференций женскому полу. Во-первых, женщины освобождались от клеймения⁵. Во-вторых, наказание в виде осуждения к каторжной работе в рудниках или в крепостях для женщин заменялось работой на заводах, однако с увеличением срока отбывания наказания — за один год работы в рудниках полагались полтора года работы на заводах⁶. В-третьих, наказание в виде работ в арестантских ротах для женщин заменялось отдачей в рабочие дома с аналогичным порядком изменения срока отбывания наказания⁷. В-четвертых, по отношению к женщинам не практиковалось бритье половины головы⁸. В-пятых, к женщинам не применялись так называемые «меры усиления наказания», за одним исключением: женщины, ссылаемые на заводы вместо бессрочных работ в рудниках, так же как бессрочные каторжане, содержались в ручных и ножных оковах, «но менее тяжелых»⁹.

Уложение о наказаниях уголовных и исправительных сохраняло для женщин телесные наказания (за исключением представительниц привилегированных сословий)¹⁰. Только в 60-е гг. XIX в. в соответствии с указом «О некоторых изменениях в существующей ныне системе наказаний уголовных

¹ Ст. 1922 Уложения о наказаниях уголовных и исправительных 1845 года // Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. Т. XX. 1845. СПб., 1846. С. 938.

² Ст. 2075 Уложения о наказаниях уголовных и исправительных 1845 года // Там же. С. 971.

³ Ст. 2076 Уложения о наказаниях уголовных и исправительных 1845 года // Там же. С. 971.

⁴ Ст. 2077 Уложения о наказаниях уголовных и исправительных 1845 года // Там же. С. 971–972.

⁵ Ст. 28 Уложения о наказаниях уголовных и исправительных 1845 года // Там же. С. 603.

⁶ Ст. 75 Уложения о наказаниях уголовных и исправительных 1845 года // Там же. С. 610.

⁷ Ст. 83 Уложения о наказаниях уголовных и исправительных 1845 года // Там же. С. 611.

⁸ Приложение I Уложения о наказаниях уголовных и исправительных 1845 года // Там же. С. 1005.

⁹ Дополнительные постановления к Уложению о наказаниях уголовных и исправительных 1845 года // Там же. С. 1012.

¹⁰ Приложение I Уложения о наказаниях уголовных и исправительных 1845 года // Там же. С. 1005.

и исправительных» применять по отношению к женщинам телесные наказания было запрещено, однако они сохранялись для ссыльнокаторжных¹. Наконец, указ 1893 г. «Об отмене телесных наказаний для ссыльных женщин» установил, что ссыльные женщины также не подлежат телесным наказаниям плетьюми, лозами или розгами и приковыванию к тележке².

Первые отдельные кодификации уголовно-исполнительного права Российской империи демонстрируют схожие тенденции, рассмотренные выше в отношении уголовного законодательства.

Так, изначальный текст Устава о ссыльных 1822 г. не делал особой разницы между ссыльными мужчинами и ссыльными женщинами. Последних он подразделял на две категории: идущих по собственной воле со своими мужьями и определенных в ссылку по суду, как с мужьями, так и без них. Устав оговаривал, что по общему правилу лица женского пола «пересылаются» так же, как и ссыльные мужчины³. Исключение составляли женщины, следующие в ссылку за мужьями по собственной воле: во все время следования их запрещено отделять от мужей и подвергать строгому надзору. Кроме того, для них определены кормовые деньги⁴.

Устав о ссыльных был дополнен в 1823 г. указом Сената, вводящим обеспечение женщин и детей, отправляющихся вместе со своими мужьями и отцами в Сибирь, не только кормовыми деньгами, но и необходимой одеждой и обувью сообразно текущему времени года. Снабжение предполагалось осуществлять за казенный счет.

В Уставе об этапах 1822 г. единственное упоминание о лицах женского пола сводилось к тому, что пересылаемых женщин при этапировании допускалось сажать на подводы, в случае «ежели возможно будет по количеству клади» (§ 55)⁵.

В редакциях Устава о ссыльных второй половины XIX — начала XX вв., отражающих нормы Уложения о наказаниях уголовных и исправительных, касающихся положения женщин, были введены новые статьи, предполагающие для данной категории осужденных определенные привилегии.

Так, в соответствии с редакцией 1857 г. ссыльные отправлялись из каждой губернии не чаще одного раза в неделю. Если среди ссыльных находились женщины, следовавшие без мужей, то они отправлялись отдельно,

¹ См.: Гольденберг И. Реформа телесных наказаний. СПб., 1913. С. 57.

² См.: Там же. С. 60.

³ Устав от ссыльных. § 221, 223. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое. Т. XXXVIII. 1822–1823. СПб., 1830. С. 446.

⁴ Устав от ссыльных. § 222. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое. Т. XXXVIII. 1822–1823. СПб., 1830. С. 446.

⁵ Устав от этапов в Сибирских губерниях // Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое. Т. XXXVIII. 1822–1823. СПб., 1830. С. 472.

через два дня после отправки основной партии¹. Женщины, имеющие грудных младенцев, препровождались на подводах².

Устав о ссыльных в редакции 1909 г., вводя положения в отношении членов семей ссыльных, устанавливал, что грудные младенцы в любом случае остаются при матерях³. Кроме того, Устав содержал ряд норм, определяющих отбывание ссылки в каторжные работы для лиц женского пола. Так, женщины, осужденные к каторжной работе, не назначались в рудники⁴. Для беременных женщин и женщин, кормящих грудью младенцев, предусматривалось либо освобождение от работ, либо их облегчение⁵. Женщины, осужденные к бессрочным каторжным работам, должны были содержаться в менее тяжелых, чем мужчины, ножных и ручных оковах⁶.

В Уставе о содержащихся под стражей 1857 г., выдержавшим в 1886 и 1890 гг. две переиздания, было указано, что женщины не могут содержаться в исправительных арестантских отделениях. Работы в них заменялись для лиц женского пола заключением в тюрьму⁷.

Также Свод учреждений и уставов о содержащихся под стражей предполагал организацию «по возможности» более льготных условий содержания беременных женщин и женщин, кормящих грудью (отдельное от других заключенных помещение, лучшую пищу)⁸. Для беременных женщин предусматривалось освобождение от работ. Для женщин, кормящих грудью младенцев (до полутора лет), предполагалось их облегчение. Работы, предусмотренные порядком отбывания наказания, не должны были препятствовать надлежащей заботе матерей о своих детях⁹.

Созвучный характер имели статьи Устава уголовного судопроизводства 1864 г., являвшегося одним из базовых документов судебной реформы Александра II. В соответствии с Уставом одним из изъятий из правил о немедленном исполнении приговоров выступало «исполнение наказаний над женщинами беременными или недавно разрешившимися от бремени». В таких случаях отсрочка исполнения приговора составляла 40 дней после родов¹⁰. Также на 40 дней до и на 40 дней после родов освобождались от работ беременные и разрешившиеся от бремени женщины, находящиеся в ссылке и

¹ Ст. 41 Устава о ссыльных 1857 года // Свод законов Российской империи. Т. XIV. Тетр. 5. СПб., 1857. С. 10.

² Ст. 91 Устава о ссыльных 1857 года. С. 17.

³ Ст. 199 Устава о ссыльных (издание 1909 г.) // Законодательство Российской империи. Т. 14.4. URL: <http://www.rus-sky.com/history/library/vol.14/vol.14.4.htm>.

⁴ Ст. 110 Устава о ссыльных (издание 1909 г.).

⁵ Ст. 111 Устава о ссыльных (издание 1909 г.).

⁶ Ст. 94 Устава о ссыльных (издание 1909 г.).

⁷ Ст. 284 Свода учреждений и уставов о содержащихся под стражей (издание 1890 г.) // Законодательство Российской империи. Т. 14.4. URL: <http://www.rus-sky.com/history/library/vol.14/vol.14.4.htm>.

⁸ Ст. 182, 213 Свода учреждений и уставов о содержащихся под стражей (издание 1890 г.).

⁹ Ст. 348 Свода учреждений и уставов о содержащихся под стражей (издание 1890 г.).

¹⁰ Ст. 959 Устава уголовного судопроизводства 1864 года // Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. Т. XXXIX. 1864. СПб., 1830. С. 282.

в местах заключения¹. В отношении женщин, практикующих грудное вскармливание, законодатель устанавливал полуторагодовую отсрочку применения наказания в виде ссылки². На такой же срок — полтора года — предполагалось облегчение работ для ссыльнокаторжных и заключенных в тюрьмах женщин, имеющих детей, находящихся на грудном вскармливании³.

Ст. 969 Устава уголовного судопроизводства закрепила право женщин, осужденных к ссылке, не разлучаться со своими грудными детьми. Также женщина могла принять решение об оставлении младенца на попечении родственников⁴.

Важное практическое значение имело введение должности тюремных надзирательниц (смотрительниц женских отделений) в 1887 г. В конце XIX в. по инициативе Московского дамского благотворительно-тюремного комитета было основано специализированное образовательное учреждение, занимающееся подготовкой соответствующих кадров, — Московская школа тюремных надзирательниц. Выпускницы школы должны были не только умело исполнять свои служебные обязанности, но «по своему умственному и нравственному развитию могли воздействовать на заключенных, в смысле их исправления»⁵.

Устав конвойной службы 1907 г., впервые собравший в едином нормативном акте все правила, регламентировавшие конвойную стражу, включил в себя положения, определяющие порядок действий в отношении арестанток женского пола. Так, запрещалось принимать из мест заключения в этапные партии женщин, находящихся на последних сроках беременности⁶. В случае несогласия тюремного начальства и начальника конвоя по данному вопросу предписывалось дополнительное получение заключения врача.

Особо отмечалось, что женщины-арестантки, подлежащие отправлению в этапной партии, обыскиваются лицами женского пола (по общему правилу — тюремными надзирательницами; при их отсутствии — специального назначенными женщинами)⁷. Не допускалось присутствие мужчин при осмотре арестанток, сопровождающемся обнажением скрытых частей тела⁸. Ст. 155 Устава конвойной службы запрещала применять к пересыльным арестанткам такое средство предупреждения побега, как наручники. Во время этапирования Устав предписывал размещать женщин-арестанток отдельно от мужчин (предпочтительно в отдельном вагоне⁹, в отдельных камерах парохода¹⁰).

¹ Ст. 970 Устава уголовного судопроизводства 1864 года // Там же. С. 283.

² Ст. 959 Устава уголовного судопроизводства 1864 года // Там же. С. 282.

³ Ст. 970 Устава уголовного судопроизводства 1864 года // Там же. С. 283.

⁴ Ст. 969 Устава уголовного судопроизводства 1864 года // Там же. С. 283.

⁵ Школа тюремных надзирательниц в Москве (1899–1910) // Тюремный вестник. 1911. № 8-9. С. 947.

⁶ Ст. 135 Устава конвойной службы // Тюремный вестник. 1907. № 7. Приложение. С. 23.

⁷ Ст. 148 Устава конвойной службы // Там же. С. 25.

⁸ Ст. 150 Устава конвойной службы // Там же. С. 25.

⁹ Ст. 321, 323 Устава конвойной службы // Там же. С. 51–52.

¹⁰ Ст. 353 Устава конвойной службы // Там же. С. 56.

Таким образом, анализ положений источников, регулирующих исполнение наказаний в отношении осужденных женщин в дореволюционной России, демонстрирует последовательное изменение статуса лиц женского пола как участниц уголовно-исполнительных отношений от носящего явный дискриминационный характер до привилегированного, подразумевающего наличие определенных преференций, обусловленных не только выполнением материнских функций, но и самим фактом принадлежности к женскому полу.

3. ВЫЯВЛЕНИЕ ГЕНДЕРНЫХ ОСОБЕННОСТЕЙ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ РОССИИ

Несмотря на все споры о понятиях, по большому счету главное отличие между «полом» и «гендером» заключается в том, что первый определяет отличия, обусловленные физиологической природой, второй же связан с выполнением специфических функций. Пол детерминирован природой, гендер — социальной сущностью.

Гендерный подход основан на представлении о том, что важны не биологические или физиологические различия между мужчиной и женщиной, а то культурное и социальное значение, которое придает общество этим различиям. Гендерные ожидания, с одной стороны, объективно изменчивы, поскольку способны трансформироваться под воздействием внутренних и внешних факторов; с другой стороны, воспринимаются как устойчивые категории, так как основаны на архетипичных общественных представлениях и сложны для аналитического рационального понимания.

Одним из немногих способов зафиксировать, «поймать» гендер является анализ законодательных актов на предмет наличия в них гендерно ориентированных норм. Посредством надлежащего правового регулирования (по отношению к уголовным и уголовно-исполнительным нормам — дополнительно посредством охраны) государство защищает значимые в общественном плане социальные функции и роли. Иными словами, фиксирует гендер.

Исторически наиболее древними положениями российского законодательства, формирующими гендерные особенности отечественного уголовно-исполнительного права, являются нормы, устанавливающие определенные привилегии для беременных женщин и женщин, имеющих малолетних детей.

Как правило, первым нормативным актом, установившим некоторые особенности исполнения уголовных наказаний в отношении беременных женщин, считается Соборное уложение 1649 г., определившее, что беременных женщин, приговоренных к смерти, следует казнить только после их разрешения от бремени¹. Однако записная книга разрядного приказа 1637 г. содержит более подробное указание по этому поводу, не только регламентирующее точные сроки казни («покамест родят и минет шест недель») и дальнейшую судьбу ребенка («отдать ближнему»), но и объясняющее позицию законодателя тем, что «роженое от нее не виновато»².

Соборное уложение оставалось действующим сводом законов на протяжении всего XVIII в. Единственная новелла XVIII столетия, устанавливающая определенные привилегии беременным женщинам, относится к уголовно-процессуальному законодательству. Краткое изображение процессов или судебных тяжб 1715 г. признало беременных женщин «изъятными» от

¹ Памятники русского права. Вып. 6. Соборное Уложение царя Алексея Михайловича 1649 года. М.: Государственное издательство юридической литературы, 1957. С. 432.

² Загоскин, Н. Столы разрядного приказа, по хранящимся в Московском архиве Министерства юстиции книгам их. Казань: Типография Императорского университета, 1879. С. 15.

применения пытки (за исключением государственных преступлений)¹. Пытки, безусловно, не относились к уголовным наказаниям, но в инквизиционном судопроизводстве выступали их неотъемлемой частью.

В XIX в. положения, устанавливающие особенности исполнения наказаний в отношении беременных женщин, получили развитие в отдельных указах компетентных законосовещательных органов, став результатом рассмотрения конкретных дел. В 1824 г. Государственный совет в ответ на запрос Белорусского военного губернатора, сетовавшего на то, что у арестанток, приговоренных к телесным наказаниям, портится грудное молоко и «питаемые оным младенцы подвергаются болезням, и даже смерти», постановил отлагать на полтора года от момента рождения ребенка телесные наказания женщинам, кормящим младенцев грудью².

В 1830 г., разбирая донесения Костромского губернского правления, Сенат постановил не применять телесные наказания по отношению к беременным женщинам, «отлагать» их до разрешения от бремени и «миновании срока положенного на воспитание грудью младенца» (полтора года)³.

В 1840 г., анализируя рапорт министра внутренних дел, Сенат предписал проводить в отношении всех «арестанток» обязательное медицинское освидетельствование на предмет беременности⁴.

В 1837 г. в соответствии с мнением Государственного совета было запрещено ссылать в Сибирь беременных женщин вплоть до их разрешения от бремени и окончания срока кормления грудью (полтора года)⁵.

Во второй половине XIX — начале XX вв. рассмотренные положения были обобщены, систематизированы и дополнены в процессуальных и уголовно-исполнительных кодифицированных актах — в Уставе уголовного судопроизводства, Своде учреждений и уставов о содержащихся под стражей, Уставе о ссыльных⁶.

¹ Памятники русского права. Вып. 8. Законодательные акты Петра I / под ред. К. А. Софроненко. М.: Государственное издательство юридической литературы, 1961. С. 598.

² Высочайше утвержденное мнение Государственного совета — о времени исполнения приговоров Судебных мест относительно наказания женщин, питающих грудью младенцев // Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое. Т. XXXIX. 1824. СПб.: Типография II Отделения собственной его императорского величества канцелярии, 1830. С. 68.

³ Сенатский указ о наказании беременных женщин не прежде как по разрешении от бремени и миновании срока положенного на воспитание грудью младенца // Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. Т. V. 1830. СПб.: Типография II Отделения собственной его императорского величества канцелярии, 1831. С. 215–216.

⁴ Сенатский указ, по Высочайшему повелению. Об освидетельствовании всех женщин, к наказанию подлежащих, в беременности их // Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. Т. XV. 1840. СПб.: Типография II Отделения собственной его императорского величества канцелярии, 1841. С. 541–542.

⁵ Высочайше утвержденное мнение Государственного совета. О преступницах, ссылаемых в Сибирь кои окажутся беременными или имеющими грудных младенцев // Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. Т. XII. 1837. СПб., 1838. С. 1038–1039.

⁶ Устав уголовного судопроизводства 1864 года // Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. Т. XXXIX. 1864. СПб., 1830. С. 215–306; Свод учреждений и уставов о содержащихся под стражей (издание 1890 г.), Устав о ссыльных (издание 1909 г.) // Законодательство Российской империи. Т. 14.4. URL: <http://www.rus-sky.com/history/library/vol.14/vol.14.4.htm>.

В соответствии с законодательством второй половины XIX — начала XX вв. для женщин, находящихся в местах заключения совместно с грудными детьми, были рекомендованы отдельные от других заключенных помещения, «где бы они имели лучший воздух»¹, более хорошая, по сравнению с другими заключенными, пища². Справедливости ради необходимо отметить, что каждая описанная привилегия содержала неизменную приписку — «по возможности». Тюремная администрация должна была способствовать тому, чтобы женщины, имеющие грудных младенцев, были задействованы в работах, которые не мешали бы им осуществлять надлежащее попечение о своих детях³.

Устав о ссыльных различных редакций XIX — начала XX вв. специально регламентировал вопросы конвоирования женщин, имеющих грудных детей, а также малолетних детей, определяя, что их следует перевозить по пеше-этапным трактам на специально выделенных подводах⁴.

Следует обратить внимание, что в законодательстве второй половины XIX в. появляется забота не только о «питаемом младенце», но и о его матери, ее здоровье. Женщинам, кормящим грудью, находящимся в местах заключения или в ссылке, работы следовало облегчить в той мере, чтобы не нанести вред самой матери и младенцу.

В XIX столетии в уголовно-исполнительном праве Российской империи формируются гендерно-ориентированные положения, не связанные с материнскими функциями женщины, но включаемые законодателем по гуманным соображениям. Их появление было обусловлено новыми тенденциями в уголовно-исполнительной политике как международного, так и национального уровня: осознанием прогрессивных целей уголовных наказаний, оформлением «женского вопроса» в рамках тюремных реформ XIX в.⁵, активным вниманием общественности к проблемам пенитенциарной системы.

Так, были введены ограничения на виды мест лишения свободы, в которых не могли содержаться женщины: работы в арестантских отделениях заменялись для лиц женского пола заключением в тюрьму⁶. По отношению

¹ Свод учреждений и уставов о содержащихся под стражей (издание 1890 г.), ст. 182 // Законодательство Российской империи. Т. 14.4. URL: <http://www.rus-sky.com/history/library/vol.14/vol.14.4.htm>.

² Свод учреждений и уставов о содержащихся под стражей (издание 1890 г.), ст. 213 // Законодательство Российской империи. Т. 14.4. URL: <http://www.rus-sky.com/history/library/vol.14/vol.14.4.htm>.

³ Свод учреждений и уставов о содержащихся под стражей (издание 1890 г.), ст. 348 // Законодательство Российской империи. Т. 14.4. URL: <http://www.rus-sky.com/history/library/vol.14/vol.14.4.htm>.

⁴ Устав о ссыльных (издание 1909 г.), ст. 42 // Законодательство Российской империи. Т. 14.4. URL: <http://www.rus-sky.com/history/library/vol.14/vol.14.4.htm>.

⁵ См., например, об этом: Васильева, С. А., Тарасов, О. А. Решение «женского вопроса» в рамках тюремных реформ (по материалам Международных пенитенциарных конгрессов) // Гуманитарно-пенитенциарный вестник : науч.-публицист. альманах / под общ. ред. Ю. А. Реента. Рязань: Академия права и управления Федеральной службы исполнения наказаний, 2008. Вып. 3. С. 49–62.

⁶ Ст. 284 Свода учреждений и уставов о содержащихся под стражей (издание 1890 г.) // Законодательство Российской империи. Т. 14.4. URL: <http://www.rus-sky.com/history/library/vol.14/vol.14.4.htm>.

осужденным женщинам запрещалось использовать клеймение¹, бритье половины головы², «меры усиления наказания» (женщины, ссылаемые на заводы вместо бессрочных работ в рудниках, также как бессрочные каторжане, содержались в ручных и ножных оковах, «но менее тяжелых»)³.

Большое значение имело развитие идеи отделения осужденных женщин, чье положение уязвимо по объективным обстоятельствам, от «мира» мужчин вообще — не только от заключенных мужского пола, но и от мужчин — сотрудников. Предписывалось не только отдельное заключение осужденных мужчин и женщин в местах лишения свободы, но и их обособленное этапирование⁴. Запрещалось обыскивать женщин-арестанток, подлежащих отправлению в этапной партии, лицами мужского пола⁵. Вводились должности тюремных надзирательниц (смотрительниц женских отделений).

Было улучшено положение заключенных женщин в бытовом отношении. К примеру, нормы, регулировавшие вещевое довольствие арестантов, предусматривали отдельные позиции для лиц женского пола. Приложение к циркуляру ГТУ № 20 от 14.10.1887 содержало описание одежды, белья, обуви и постельных принадлежностей для содержащихся в губернских и уездных тюремных замках⁶.

С течением времени этот перечень дополнялся и уточнялся дополнительными разъяснениями ГТУ. Так, в 1908 г. всем арестанткам было разрешено носить собственные панталоны (казенные полагалось выдавать лишь в зимнее время). Этот порядок был продиктован соображениями гигиены и пользы для здоровья⁷.

Таким образом, анализ уголовно-исполнительных норм Российского государства показывает постепенную эволюцию гендерных представлений в конкретную историческую эпоху. К концу XIX — началу XX вв. в отечественном уголовно-исполнительном законодательстве становится очевидной определенная гендерная модель, сформировавшаяся как симбиоз теорий о гендерном равенстве и патриархальных установках, господствующих в российском обществе.

¹ Ст. 28 Уложения о наказаниях уголовных и исправительных 1845 года // Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. Т. XX. 1845. СПб.: Типография II Отделения собственной его императорского величества канцелярии, 1846. С. 603.

² Приложение I Уложения о наказаниях уголовных и исправительных 1845 года // Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. Т. XX. 1845. СПб.: Типография II Отделения собственной его императорского величества канцелярии, 1846. С. 1005.

³ Дополнительные постановления к Уложению о наказаниях уголовных и исправительных 1845 года // Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. Т. XX. 1845. СПб.: Типография II Отделения собственной его императорского величества канцелярии, 1846. С. 1012.

⁴ Ст. 321, 323 Устава конвойной службы. С. 51–52; Ст. 353 Устава конвойной службы. С. 56.

⁵ Ст. 148 Устава конвойной службы. С. 25.

⁶ Сборник циркуляров, изданных по ГТУ в 1879–1910 гг. Ч. 1: 1879–1895 гг. 1911. 461 с.

⁷ Циркулярное отношение Главного тюремного управления от 28 мая 1908 года за № 41 на имя губернаторов, начальников областей и градоначальников — о разрешении арестантам всех категорий иметь собственные носовые платки, а женщинам кроме того панталоны // Тюремный вестник. 1908. № 6–7. С. 456.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Несмотря на кажущуюся узость рассматриваемой проблематики, перечень источников, содержащих положения, направленные на регулирование исполнения наказаний в отношении осужденных женщин, отличаются широтой и вариативностью. В целом, анализируемые источники обладают следующими особенностями. Во-первых, их перечень включает не только светские нормативные акты, но и источники, определяющие церковную юрисдикцию и регулирующие церковно-пенитенциарную практику. Во-вторых, своды законов, являющиеся обычно базовым источником, в данном случае демонстрируют развитие общих тенденций, которые становятся понятны и верифицируемы лишь на основе анализа отдельных нормативных актов, в том числе подведомственного уровня.

Обзор положений источников, регулирующих исполнение наказаний в отношении осужденных женщин в дореволюционной России, демонстрирует определенную эволюцию соответствующих норм от положений, имеющих дискриминационный характер по отношению к женщине, — до введения для нее определенных привилегий, порождающих гендерную асимметрию в уголовно-исполнительном праве.

Источники права периода раннефеодальной и сословно-представительной монархии показывают «неполноценное», неравное мужскому, положение женщины в сфере уголовно-правовых отношений, что соответствует пониманию женской роли в феодальном обществе. Многообразие источников эпохи абсолютной монархии позволяет проследить, каким образом положение женщины в анализируемом контексте изменяется вначале до идентичного мужскому, а затем до введения изъятий, означающих предоставление женщинам особых преимуществ.

К рубежу XIX–XX вв. в российском законодательстве закрепляется отсрочка исполнения приговора беременным женщинам и женщинам, имеющим грудных детей, запрет на применение к лицам женского пола некоторых видов наказаний, определенный порядок этапирования осужденных женщин к месту отбывания наказания, раздельное содержание женщин и мужчин в заключении, особые условия содержания лиц женского пола в местах лишения свободы и др.

Проведенное исследование позволяет сделать вывод о том, что исторически формирование и применение гендерно ориентированных норм определялось не фактом принадлежности к женскому полу и даже в значительной степени не наличием ребенка, но осуществлением конкретных действий со стороны женщины, направленных на обеспечение жизни и здоровья младенца. В соответствии с логикой рассмотренных нормативных положений и отсрочка, и особые условия отбывания наказания для лиц женского пола должны быть регламентированы таким образом, чтобы минимизировать лишения безвинного ребенка, а не являться возможностью для злоупотреблений с целью смягчения последствий совершенных деяний.

Таким образом, ретроспективное понимание целесообразности гендерной асимметрии уголовно-исполнительных норм отечественным законодателем полностью соответствует принятой в социологии терминологии. Несмотря на то, что зачастую в русском языке понятия «пол» и «гендер» используются как синонимы, разница между ними очевидна. Она сводится к тому, что пол определяет отличия, обусловленные физиологической природой, а гендер связан с выполнением специфических социальных функций и ролей. Настоящее исследование и исторический опыт, проанализированный в нем, показывает, что эффективность реализации уголовно-исполнительных норм в рассматриваемом отношении обусловлена адекватным использованием понятия не пола, но гендера.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Васильева, С. А., Тарасов, О. А. Решение «женского вопроса» в рамках тюремных реформ (по материалам Международных пенитенциарных конгрессов) // Гуманитарно-пенитенциарный вестник : науч.-публицист. альманах / под общ. ред. Ю. А. Реента. — Рязань: Академия права и управления Федеральной службы исполнения наказаний, 2008. — Вып. 3. — С. 49–62.
2. Владимирский-Буданов, М. Ф. Хрестоматия по истории русского права. Выпуск второй. — Киев, СПб.: Издание книгопродавца Н. Я. Оглобина, 1887. — 236 с.
3. Высочайше утвержденное мнение Государственного совета — о времени исполнения приговоров Судебных мест относительно наказания женщин, питающих грудью младенцев // Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое. Т. XXXIX. 1824. № 29.773. — СПб.: Типография II Отделения собственной его императорского величества канцелярии, 1830.
4. Высочайше утвержденное мнение Государственного совета. О преступницах, ссылаемых в Сибирь, кои окажутся беременными или имеющими грудных младенцев // Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. Т. XII. 1837. № 10831. — СПб., 1838. — С. 1038–1039.
5. Высочайше утвержденное мнение Государственного совета. О ссылке, по воле помещиков, в Сибирь женщин беременных или с грудными младенцами // Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. Т. XXVIII. 1853. № 27602. — СПб.: Типография II Отделения собственной его императорского величества канцелярии, 1854.
6. Гернет, М. Н. История царской тюрьмы. — М.: Государственное издательство юридической литературы, 1951. — Т. 1. — 327 с.
7. Гольденберг, И. Реформа телесных наказаний. — СПб.: Издание М. И. Семенова, 1913. — 72 с.
8. Грамота Новгородского митрополита Корнилия Тихвинского монастыря архимандриту Макарию об отдаче под начало и пострижение двух женщин, подвергнутых за уголовное преступление трехсуточному окопанию в землю // Акты исторические, собранные и изданные Археографической комиссией. Т. V. 1676–1700. — СПб.: Типография II Отделения собственной его императорского величества канцелярии, 1842.
9. Именной с Боярским приговором. О неокапывании в землю жен за убийство мужей их, а об отсечении им голов // Полное собрание законов Российской империи. Т. III. 1689–1699. — СПб.: Типография II Отделения собственной его императорского величества канцелярии, 1830.
10. Именной указ 7 февраля 1718 года. О наказании разбойников и смертоубийц и об учинении смертной казни беременным женщинам, после разрешения их от бремени // Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое. Т. V. 1713–1719. — СПб.: Типография II Отделения собственной его императорского величества канцелярии, 1830.

11. Краткое изображение процессов или судебных тяжб // Хрестоматия по истории государства и права России. — М., 2008. — С. 144–158.
12. Никитин, В. Н. Тюрма и ссылка: историческое, законодательное, административное и бытовое положение заключенных, пересыльных, их детей и освобожденных из-под стражи со времени возникновения русской тюрмы и до наших дней (1560–1880). — СПб., 1880. — 674 с.
13. Осипов, М. В. Циркуляры Главного тюремного управления МВД как источник по истории пенитенциарной системы России в период пореформенной модернизации (1879–1885) // Известия Самарского научного центра РАН. — 2009. — № 2-1. — С. 239–242.
14. Памятники русского права. Вып. 1. Памятники права Киевского государства. X–XII вв. / под ред. С. В. Юшкова. — М.: Государственное издательство юридической литературы, 1952. — 287 с.
15. Памятники русского права. Вып. 3. Памятники права периода образования Русского централизованного государства. XIV–XV вв. / под ред. Л. В. Черепнина. — М.: Государственное издательство юридической литературы, 1955. — 527 с.
16. Памятники русского права. Вып. 4. Памятники права периода укрепления Русского централизованного государства. XV–XVII вв. / под ред. Л. В. Черепнина. — М.: Государственное издательство юридической литературы, 1956.
17. Памятники русского права. Вып. 8. Законодательные акты Петра I / под ред. К. А. Софроненко. — М.: Государственное издательство юридической литературы, 1961. — 667 с.
18. Память Владимирского воеводы Федора Юрлова Успенского монастыря игуменьи Маремьяне о пострижении крестьянки Фетины, которая за убийство мужа своего пробыла сутки окопанною в земле // Акты исторические, собранные и изданные Археографической комиссией. Т. V. 1676–1700. — СПб.: Типография II Отделения собственной его императорского величества канцелярии, 1842.
19. Перебинос, Ю. А., Брызгалова, И. В. Использование зарубежной теории и практики исполнения наказания в виде лишения свободы в дореволюционной России // История отечественной уголовно-исполнительной системы : сборник статей. — М., 2006. — С. 137–138.
20. Приговор о губных делах // Памятники русского права. Вып. 4. Памятники права периода укрепления Русского централизованного государства. XV–XVII вв. / под ред. Л. В. Черепнина. — М.: Государственное издательство юридической литературы, 1956. — 632 с.
21. Регламент или Устав Главного магистрата // Памятники русского права. Вып. 8. Законодательные акты Петра I / под ред. К. А. Софроненко. — М.: Государственное издательство юридической литературы, 1961. — 667 с.
22. Сборник циркуляров, изданных по ГТУ в 1879–1910 гг. Ч. 1: 1879–1895 гг. — 1911. — 461 с.

23. Свод учреждений и уставов о содержащихся под стражей (издание 1890 г.) // Законодательство Российской империи. Т. 14.4. — URL: <http://www.rus-sky.com/history/library/vol.14/vol.14.4.htm>.
24. Сенатский указ о наказании беременных женщин не прежде как по разрешении от бремени и миновании срока положенного на воспитание грудью младенца // Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. Т. V. 1830. № 3535. — СПб.: Типография II Отделения собственной его императорского величества канцелярии, 1831.
25. Сенатский указ, по Высочайшему повелению. Об освидетельствовании всех женщин, к наказанию подлежащих, в беременности их // Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. Т. XV. 1840. — СПб.: Типография II Отделения собственной его императорского величества канцелярии, 1841. — С. 541–542.
26. Судебник 1589 года // Памятники русского права. Вып. 4. Памятники права периода укрепления Русского централизованного государства. XV–XVII вв. / под ред. Л. В. Черепнина. — М.: Государственное издательство юридической литературы, 1956. — 632 с.
27. Судебник царя Федора Ивановича 1589 года. По списку собрания Ф. Ф. Мазурина. — М.: Типография Г. Лисснера и А. Гешеля, 1900. — XXXIX с.
28. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 года // Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. Т. XX. 1845. — СПб.: Типография II Отделения собственной его императорского величества канцелярии, 1846. — С. 598–1010.
29. Устав Воинский, Артикул Воинский с кратким толкованием // Памятники русского права. Вып. 8. Законодательные акты Петра I / под ред. К. А. Софроненко. — М.: Государственное издательство юридической литературы, 1961. — С. 319–457.
30. Устав князя Ярослава о церковных судах (пространная редакция) // Наследие. Вып. 1: Религия — общество — государство: институты, процессы, мысль. Книга 1: История государственно-конфессиональных отношений в России (X — начало XXI века) : хрестоматия в двух частях / сост. Ю. П. Зуев; под общ. ред. Ю. П. Зуева, В. В. Шмидта. — Часть I: X — начало XX века. — М.: Изд-во РАГС; ИД «МедиаПром», 2010. — С. 23–31.
31. Устав конвойной службы // Тюремный вестник. — 1907. — № 7. Приложение. — 110 с.
32. Устав о ссыльных (издание 1909 г.) // Законодательство Российской империи. Т. 14.4. — URL: <http://www.rus-sky.com/history/library/vol.14/vol.14.4.htm>.
33. Устав о ссыльных 1857 года // Свод законов Российской империи. Т. XIV. Тетр. 5. — СПб.: Типография II Отделения собственной его императорского величества канцелярии, 1857. — С. 1–177.
34. Устав от ссыльных // Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое. Т. XXXVIII. 1822–1823. — СПб.: Типография II Отде-

- ления собственной его императорского величества канцелярии, 1830. — С. 433–469.
35. Устав от этапах в Сибирских губерниях // Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое. Т. XXXVIII. 1822–1823. — СПб.: Типография II Отделения собственной его императорского величества канцелярии, 1830. — С. 469–487.
 36. Устав уголовного судопроизводства 1864 года // Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. Т. XXXIX. 1864. — СПб.: Типография II Отделения собственной его императорского величества канцелярии, 1830. — С. 215–306.
 37. Циркулярное отношение Главного тюремного управления от 28 мая 1908 года за № 41 на имя губернаторов, начальников областей и градоначальников — о разрешении арестантам всех категорий иметь собственные носовые платки, а женщинам кроме того панталоны // Тюремный вестник. — 1908. — № 6-7.
 38. Шаляпин, С. О. Церковно-пенитенциарная система в России XV–XVIII веков : монография. — Архангельск: ИПЦ САФУ, 2013. — 240 с.
 39. Школа тюремных надзирательниц в Москве (1899–1910) // Тюремный вестник. — 1911. — № 8-9. — С. 947–957.
 40. Щапов, Я. Н. Княжеские уставы и церковь в Древней Руси. — М.: Наука, 1972. — 340 с.

научное издание

кандидат исторических наук
Анна Петровна ВЕСЕЛОВА

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ИСПОЛНЕНИЯ
НАКАЗАНИЙ В ОТНОШЕНИИ ОСУЖДЕННЫХ ЖЕНЩИН
В ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ РОССИИ

аналитический обзор

Редактор: М. В. Немойкин

Корректор: Т. Б. Аристова

Подписано в печать 27.12.2019.

Формат 60x84 1/16. Бумага книжно-журнальная.

Усл. печ. л. 2,0. Уч.-изд. л. 1,9. Тираж 32 экз. Заказ № 45.

Организационно-научное и редакционно-издательское отделение
ФКОУ ВО Кузбасский институт ФСИН России
654066, Кемеровская обл., г. Новокузнецк, пр. Октябрьский, 49
e-mail: nauka@kifsin.ru

Отпечатано в типографии
ФКОУ ВО Кузбасский институт ФСИН России
654066, Кемеровская обл., г. Новокузнецк, пр. Октябрьский, 49